Ссылка на материал: https://ficbook.net/readfic/11114240

9-1

Направленность: Слэш
Автор: magnus bane (https://ficbook.net/authors/211970)
Беты (редакторы): miss. Angel Nora (https://ficbook.net/authors/1403837)
Фэндом: Bangtan Boys (BTS)
Пэйринг и персонажи: Ким Тэхён/Чон Чонгук
Рейтинг: NC-17
Размер: 10 страниц
Кол-во частей: 1
Статус: завершён
Метки: Высшие учебные заведения, От незнакомцев к возлюбленным, Нецензурная лексика, Романтика, PWP, AU, Элементы юмора / Элементы стёба, Популярность

Описание:
Сделав глоток холодного пива, Хосок, усмехнувшись, говорит ему: «Действие. Напиши ему в Директе, что ты бы с ним сделал, всё равно не ответит и не просмотрит».

А Чонгук, да, крашит самого популярного парня из их универа, конечно, но сегодня тоже до чёртиков пьян.

Посвящение:
тётушке чонди

Публикация на других ресурсах:
Разрешено только в виде ссылки

Примечания автора:
https://i.pinimg.com/564x/94/9f/ee/949fee3830eef20af8db9fc9d5fcf451.jpg
https://i.pinimg.com/564x/78/e8/0d/78e80df70274f6e649c8a963c5adc76b.jpg

Часть 1

Чонгук не может назвать себя неудачником. Он из тех самых парней, которые отвратительно могут сделать всё с первого раза и не особо парятся с фактом учёбы и в жизни в целом: если речь о запоминании материала перед экзаменом, то ему будет достаточно разок пробежаться по конспектам глазами, обновив в голове материал; если о том, что касается дней рождения бабушек, матушек, тётушек, то он великолепный внук, сын и племянник, потому что даже с годовщиной приобретения кошки поздравит. У него нет проблем с внешним видом: в наличии непроблемная кожа, которая требует базового ухода и только, неплохой стиль в одежде, ныне предпочитаемый большинством людей его возраста — широкие толстовки и худи, джинсы или широкие стрит-треники, массивные кроссовки и всякое прочее.

Чонгук симпатичный. Бисексуал: у него за двадцать лет жизни была девушка, с которой он встречался три года до своих семнадцати лет, и чудеснейший парень, с которым расстался год назад после того, как поступил в универ и...

Стал лохом номер один.

— Ты серьёзно расстался с Чимином из-за того, что... словил краш на парня из своего универа? — это то, что спросили у него Сокджин и Хосок, глядя ему прямо в глаза, в тот злополучный день расставания. Потому что с Чимином они встречались чёртов год, и это потрясающий человек во всех отношениях: заботливый, милый, тактильный и ощущающий все перемены в настроении того, на кого, как выяснилось, впустую потратил двенадцать месяцев жизни. Всё было прекрасно.

А потом Чонгук поступил в универ и стал неудачником номер один, и уже год ходит с табличкой «полный придурок», потому что друзья его решение, конечно же, приняли, но осудили. Приняли, потому что «Мне кажется, что я на нём ёбнулся», а ещё «Я реально какой-то грёбанный сталкер, ребят, это ненормальная тема». Осудили, потому что «Лучше бы вместо фантомных мечтаний о парне на два года старше сосредоточился на том, что имеешь». Сокджин и Хосок приземлённые, на задницах ровно сидящие, его метаний не понимающие ввиду того, что никогда не стремились прыгнуть выше головы больше, чем то было положено — а Чонгук их семь лет знает, они подростками вместе ходили на одни курсы английского.

И, нет, Чонгук не считает, что поступил как-то неправильно — глупо было бы пытаться продолжать строить что-то с Чимином, если его ну правда пронзило, как до этого никем никогда не пронзало, да ещё и настолько, что вся зрелость сливается куда-то в утиль при одной только *мысли* о перспективе знакомства или же разговора в сети.

А, да. В этом и состоит причина того, почему он, Чон Чонгук, неудачник: за год этой дурацкой влюблённости с объектом этого пылкого чувства он не перебросился и парочкой фраз — Ким Тэхён, четвёртый курс, факультет клинической психологии, двадцать два, но козерог, поэтому скоро двадцать три года, владелец шпица о его существовании даже не знает. Но ему позволительно: он всё ещё самый популярный парень в универе, который стажируется в модельном агентстве и даже снимается для каких-то сообществ в

Фейсбуке.

Всё, как в хуёвом романе. Клише на клише, где Чонгук со своими идиотскими чувствами всё ещё главный заезженный штамп, который не может перестать смотреть на чужой профиль в Инсте. Тот самый, где много красивых фотографий и в наличии пятнадцать тысяч подписчиков. Тэхён даже рекламу делает. И получает деньги за это. Или же вещи — Чонгук не знает, как это работает, потому что он, в отличие от объекта своих воздыханий, довольно посредственный.

У него нет вкусного лосьона для тела и лазерной эпиляции; нет приталенных чёрных пальто, потрясающей мимики и роскошных тёмных волос, а ещё он не умеет трахать глазами. Без шуток: каждый раз, когда Тэхён выставляет какое-то фото, то Чонгук ощущает себя голым, серьёзно. Будто бы на прицеле.

И он *абсолютно не против таких вот раскладов*. Он буквально расстался с Чимином из-за того, что осознал, что сопротивление здесь бесполезно. Но чувствует себя чёртовым сталкером, потому что как-то так судьба распоряжается, что он с Тэхёном сталкивается в коридорах приблизительно *постоянно*.

Ладно, на самом деле, ему нравится думать, что сама судьба их сталкивает друг с другом, предлагая сделать хоть намёк на знакомство, а Чонгук всё не решается да не решается. Главное, чтобы она, блин, не разозлилась на него за такое и не дала оплеуху такого масштаба, что ему просто захочется стереть себя с лица планеты Земля.

— Ты опять пялишься, — они с Хосоком, как настоящие лучшие друзья, поступили на один факультет одного универа, и теперь оба не могут отделаться от ощущения, что лингвистика — это не к ним. Но, как тут говорят, это временно, и всё ещё может прийти: и один, и второй нежной любовью любят английский, а вторым языком взяли китайский, который сейчас крайне востребован. Родители им говорят, что с китайским они точно не пропадут на жестоких дорогах суровых реалий, а преподают его здесь очень на уровне, так что, в целом, жаловаться им и не на что. Но сейчас перерыв, они сидят в столовой, а Чонгук снова смотрит на столик в углу, где сидит Ким Тэхён со своими друзьями, и не может отделаться от ощущения, что никогда не сможет на него наглядеться.

Он опять в пиджаке. Тёмные волосы красиво уложены, улыбка широкая, и Чонгуку кажется, что он слышит его смех даже отсюда. Его смех, кстати, тоже прекрасен: низкий, от сердца и достаточно сдержанный, но до ужаса искренний — Тэхён часто смеётся в своих сториз, особенно, когда проводит время с друзьями, и Чон не может перестать пересматривать их, потому что залипает на таких восхитительных звуках. Как и многие. Наверняка.

Блять, какой же он всё-таки нереально красивый.

— Да, я отвратительно пялюсь. Как и многие здесь, — огрызается тот Чон, который блондин и носит широкие треники, а не тот, который не признаёт других цветов волос, кроме тёмных, и любит говорить очевидное. — Блять, на него невозможно не пялиться, тебе так не кажется?

— Нет, не кажется. Я всё ещё гетеро, — пожимает плечами Хосок, делая

глоток своей колы.

— Давай, заливай.

— Залью. Себе за глаза сегодня вечером. Вместе с тобой, если ты не забыл.

Чонгук пьёт мало. Отчасти потому, что делает это из рук вон плохо, отчасти потому, что его можно развести на всё, что угодно, когда он бухой. Но Хосок всегда залихватски уговаривал его прибухнуть вместе с ним и Сокджином, и в этот раз ему это опять удалось, а если Чонгук решит вдруг слинять, то его ждёт «жестокая анальная кара».

Честное слово, Хосок так и сказал. А Чонгук не имеет ничего против чего-то анального, вообще-то, но едва ли слово «кара» подразумевает собой кайф от процесса.

Так что он согласился. И зря.

***

— Правда, — они чертовски пьяны этим вечером: в Чонгуке булькают около четырёх банок пива, в Хосоке, который и давит из себя это слово, и Джине — по без малого семь, и они уже находятся в той самой кондиции, когда все души излиты, бухать становится скучно, и начинается разнообразие вечера тупыми играми в духе «я никогда не» или же, вот, правда или действие. В первую всегда скучно играть — они и без неё друг о друге всё знают, а вот вторая всегда может скрасить вечер пикантностью.

— Тебе нравится одногруппник Тэхёна? — подперев щёку рукой, пьяно интересуется Джин.

— Не понимаю, о ком ты, — самонадеянно заявляет Хосок, скрестив на груди руки.

— Мин Джонги, — пытается припомнить Чонгук.

— Юнги он, — быстрее, чем успевает подумать, поправляет их друг.

Сокджин и Чонгук расплываются в гадких улыбках.

— Правда или действие? — повернувшись к Чонгуку, игнорирует их рожи Хосок, а потом хмыкает: — Да чё я тебя вообще спрашиваю? У тебя две правды было уже, пора тебе действовать.

— И что ты мне предлагаешь? — тянет в ответ тот, наблюдая за тем, как друг делает глоток холодного пива, а затем, усмехнувшись, говорит ему:

— Действие, значит... Напиши ему в Директе, что ты бы с ним сделал, всё равно не ответит и не просмотрит.

А Чонгук, да, крашит самого популярного парня из их универа, конечно, но сегодня тоже до чёртиков пьян.

Но не настолько, чтобы согласиться на это.

— Ты рехнулся? Я похож на придурка?!

— Через пять минут удалишь! — подхватывает идею Сокджин.

— А если он вдруг просмотрит? — хмурится. Ещё чего удумали!

— У него в био зачёркнутый колокольчик стоит, — вскинув тёмную бровь, сообщает Хосок. — Как думаешь, что это значит? Верно! Он не смотрит Директ!

— Ладно, хуй с тобой, — бурчит Чонгук, открывая инсту. — И что писать?

— Свои влажные фантазии, конечно же! — заявляет Хосок.

Чонгук чертовски громко вздыхает, а потом, чувствуя, как позорно потеют ладони, открывает пустую переписку с Тэхёном, чтобы сделать одну из самых тупейших вещей в своей жизни.

jk: я чертовски пьян, и если ты каким-то чудом прочитаешь мое сообщение, пожалуйста, не пиши на меня заявление. меня заставили написать тебе друзья, с которыми я играю в «правда или действие» прямо сейчас, потому что я заебал их нытьем по тебе, а ведь ты меня даже не знаешь
jk: но, чувак, черт, я смотрю на тебя уже год, а мне двадцать лет, и у меня
jk: эээ
jk: война гормонов, окей? я бы хотел переспать с тобой. если бы ты согласился, я бы чертовски хотел, чтобы ты меня трахнул на какой-нибудь кровати по технике 9-1. ты же знаешь, что это за техника?
jk: это 9 обычных толчков и один глубокий и грубый. а потом 8 обычных толчков и два глубоких и грубых. потом 7 и так далее... ну, ты понял
jk: блять, я бы тогда скулил под тобой, я клянусь

А дальше хуйня происходит. Нет, самый популярный парень их универа не резко читает его сообщения, как в каком-нибудь фанфике. Всё куда прозаичнее: по комнате начинает тянуть горелым рамёном, они втроём вспоминают, что поставили его вариться минут тридцать назад, подскакивают и несутся на кухню, увидев, что помещение уже достаточно задымлено для того, чтобы паника родилась сама собой. На устранение неполадки приходятся около двадцати злополучных минут, в процессе которых Хосок матерится, Сокджин громко ржёт, а Чонгук грустит из-за того, что остался голодным, а потом они проветривают всю квартиру, открыв окна настежь, и только тогда возвращаются в гостиную.

И только тогда Чонгук берёт телефон и коротко взвизгивает.

Потому что, да, он, кажется, всё-таки в фанфике.

ktae: я уже думал, ты никогда не решишься хаха
ktae: давай опробуем эту технику, храбрая пьяная детка)

***

sickick — kill me slowly

Это сон. Иллюзия или полнейший абсурд, потому что Чонгук не верит, что здесь, прямо сейчас, спустя два дня истерики и нервных попыток побрить себя

везде так идеально, как это только возможно, он сидит на кровати в мотеле, дрожа, как осиновый лист, потому что Ким Тэхён отлучился всё же продлить номер ещё на пару часов.

Просто в какой-то момент, взглянув на Чонгука, сказал негромкое:

— Прости, детка, но я хочу тебя съесть сегодня. Во всех смыслах этого слова.

Это вообще кажется параллельной реальностью: до последнего Чон думал, что это какой-то грёбанный пранк, и что они не всерьёз разговаривают накануне о том, как Чонгуку будет проще: сначала грязно потрахаться, а потом сходить на свидание или же наоборот, потому что во втором случае — внимание! цитата Тэхёна! — *нет гарантий, что всё кончится сексом, потому что ты выглядишь настолько комфортно и сладко, что я захочу кормить тебя мороженым и детским печеньем без сахара*.

Возможно, после этого его сообщения Чон Чонгук, двадцать лет, официально и трагично скоропостижнулся. Типа, буквально лёг на кровать, скрестив на груди руки, как мумия, и отвратительно громко заныл — ровно настолько, что даже мама зашла в комнату уточнить, здоров ли её сын душевно, и поэтому драма оказалась недолгой: она бы точно начала его расспрашивать, какого хрена тут происходит, а Чонгук пока не настроен на каминг-аут.

Чонгук сказал ему, что он хочет его, но боится показаться легкодоступным. Тэхён ответил, что факт того, что ему хочется трахаться, не делает его легкодоступным, потому что они, вроде как, взрослые люди, которые уже второй год заочно знакомы и каждый день видят друг друга в коридорах университета, так что, да. Он совершенно не против классно провести время, а потом действительно угостить его кофе, потому что — внимание! вторая цитата Тэхёна! — *я уже порядком подзаебался подгадывать твоё расписание, чтобы ты, наконец, решился ко мне подойти, а ты всё не подходил, и по этой причине я чертовски долго ныл своим друзьям, что ты, может быть, и вовсе гетеро, но, слава богу, ты не.*

И сейчас Чонгук сидит на кровати в мотеле. У него в заднице анальная пробка, он везде чист ровно настолько, словно только что вышел из церкви (бог простит за такие сравнения), где исповедовался вдоль, поперёк и, в общем-то, наискось. И вот-вот отдаст концы, потому что Тэхён сказал, что хочет его съесть, и хрен знает, что это значит вообще — голова всё ещё кружится от непринятия факта взаимного интереса, если быть откровенным, это просто невозможно. Нереально. Безумие.

А потом Тэхён возвращается, и становится так хорошо, что аж плохо. Это всё его улыбка широкая, да, в которой растворены капли азарта, а то, как он уверенным движением скидывает с себя пиджак, бросая его на одинокий стул у стены, делает выстрел прямо в сердце. Пуля настолько горячая, что обжигает грудину и потоком крови скатывается туда, вниз живота, заставляя под резинкой очередных треников неумолимо твердеть — просто в этом движении было столько уверенности и не напускной, а самой что ни на есть природной властности, что Чонгука возбуждает даже такая элементарная вещь.

Если быть откровенным, его *весь Тэхён возбуждает*. То, как он, остро ему улыбаясь, делает пару мягких шагов и, замирая напротив постели, уверенным движением начинает расстёгивать пуговицы рубашки одной лишь рукой, глядя

на него колко и с предвкушением в тёмных глазах, заставляет грудную клетку вздыматься быстрее, а все органы разом сжаться внутри в тот самый горячий пульсирующий узел, чей ритм настолько отчётливый, что отдаётся острым притоком крови в паху.

А Тэхён опускает глаза. Прямо *туда*, где из-за позы всё равно до постыдного *видно*, и, хмыкнув, задаёт ему простейший вопрос, и голос его звучит как тот самый мёд, да вот только пропитан урчащими нотками похоти:

— Малыш очень эмоциональный, да?

— Очень... — это срывается выдохом, что само по себе просто пиздец. Чонгук правда теряет контроль, он утекает сквозь его пальцы с каждой секундой всё больше, особенно, когда Ким скидывает с себя и тёмно-серую рубашку, отправляя её пососедствовать со своим пиджаком, и глазам открывается смуглая гладкая кожа и рельефные грудные мышцы. Господи-боже-мой-блять.

— И наверняка крайне чувствительный, да? — Чонгук, не отрываясь, наблюдает за тем, как из шлёвок серых брюк в эту секунду плавно выскальзывает ремень из чёрной кожи.

— Невероятно, — ответ это на поставленный ему секундой назад игривый вопрос или просто комментарий по поводу прекрасного вида, что глазам открывается, остаётся загадкой. Потому что когда Тэхён остаётся только в одних чёрных боксерах с волнительным небольшим бугорком спереди, Чонгуку становится дурно.

Как он думал. Просто потом Ким говорит ему:

— Надо раздеть тебя, верно? — и делает шаг из упавших секундой назад брюк, останавливая Чонгуку сердце к чёртовой матери. Потому что он *правда очень чувствительный*, ровно настолько, что жалобно хнычет, когда Тэхён, подойдя к кровати, на которой он сидит прямо сейчас, тянет с него дурацкую белую худи, а потом, наклонившись, беспрепятственно кладёт руку на пах и несильно сжимает сквозь мягкую ткань. Возможно, Чон даже немного жалко поскуливает на этом моменте, совершенно бесстыдно толкаясь бёдрами вверх, в чужую ладонь, чтобы слегка потереться, и выдыхает блаженно, когда Тэхён, наклонившись, оставляет на его губах почти неосязаемый поцелуй.

Чонгук снова толкается. Пальцы на его члене сжимаются крепче. Тэхён же, мягко зарываясь пальцами в его светлые отросшие волосы, осторожно целует опять — на этот раз властнее, увереннее, раскатывая ощущение грядущего похотливого пира по его языку своим языком. А Чонгук подаётся навстречу, отзывается так остро и трепетно, так сильно хочет тоже доставить ему удовольствие, что тянет руку к чужому белью, однако при первом же лёгком касании получает лёгкий шлепок:

— Подожди, малыш, не торопись, — урчит Ким ему в губы, осторожно заваливая спиной на кровать и, нависнув сверху, снова целует, массируя его член немного сильнее. Чонгук задыхается в чужой рот довольно отзывчиво, продолжает вскидывать бёдра, не встречая сопротивления в этом вопросе, однако когда чужая ладонь исчезает, позволяет себе разочарованный выдох, на что слышит смешок: — Расскажи мне, как ты хочешь сделать это сегодня? Хочешь, чтобы я с тобой был грубым, — и Тэхён пальцем скользит от влажных

распухших чонгуковых губ до ареола соска и нежно цепляет его ногтем при этих словах, — или же нежным?

— А что подразумевает собой техника «девять минус один»?.. — хрипло интересуется Чон, а Тэхён, усмехаясь, только головой на это качает:

— Ты не кончишь от неё, детка. Это прикольно первые минут пять, а дальше уже не так интересно.

— Тогда я хочу тебя таким... — и Чонгук нервно сглатывает. — ...каким ты захочешь сам со мной быть.

— Я хочу сделать тебе и минет, и римминг, котёнок, — открыто и честно признаётся Тэхён, глядя ему прямо в глаза. — Ты же не против?

Такие вещи нельзя говорить столь откровенно. От них становится дурно и нечем дышать.

— Только идиот был бы против, — жалко сипит Чон ответом на этот вопрос.

— Ты же промыт? У нас в процессе не будет никаких казусов, да?

— Да, и... — пауза, выдох, зажмуриться, — во мне пробка, хён.

— *Ва-а-ау,* — в чужом низком голосе он слышит улыбку, — мне достался такой старательный и ответственный мальчик?

Так *нельзя*. Но, видно, можно подтащить к краю кровати, чтобы встать перед ней на колени — прямо на мягкий ковёр. Чонгук снова дышит прерывисто, хнычет, когда над ним нависают, совершенно бесстыдно стягивая треники вниз, к самым щиколоткам, чтобы мог слепо на пол их сбросить, и чередой коротких поцелуев спускаются к члену, широко мажут языком по твёрдой головке, а затем осторожно накрывают губами и сжимают, вдруг замерев. По телу словно током проходятся — Чон выгибается, цепляясь пальцами в простынь, и отчаянно стонет от такой простой ласки, но когда Тэхён насаживается немного плотнее, пуская по подбородку слюну, становится вообще запредельно. Его ласка тёплая, влажная, крайне подвижная: Чонгук остро ощущает давление языка на уретру, его плавное скольжение к нежной коже уретры, а после становится немного теснее. И, да, опустив глаза, но не решаясь толкнуться в чужой податливый рот, он видит, что Ким щёки втягивает, делая процесс ощутимей, чувствительней, и с первым касанием мягкого нёба нежно пальцами оглаживает оголённую чонгукову кожу бедра.

Возможно, потому что тот немного срывается. У него от ощущений голова кругом: действительно очень чувствительный, даже не подозревал, что с Тэхёном его порог ощущений станет в двести раз ниже, превращая в податливо-сладкую детку, которой всё, чего для счастья хватает, так чтобы папочка *не останавливался*. Никогда, ни за что, продолжал размеренно трахать его член своим ртом, позволяя прочувствовать узость глотки как можно лучше и ярче, позволяя начать осторожно толкаться, подаваясь навстречу, обильно смазывая ствол слюной и размазывая по нему текучий предэякулят.

Тэхён невозможно хорош в горловом. А ещё у него мягкие волосы: захлёбывающийся в своём скулеже, Чонгук цепляется за них своими дрожащими

пальцами, от ощущений сгибая ноги в коленях и открываясь куда больше пока что положенного, сжимает подуставшими мышцами сфинктера пробку в себе, но вздрагивает, когда чувствует пальцы по ягодицам и осторожное касание *возле*, что отдаётся бархатистым ощущением давления чужих мягких подушечек на нежном участке со внутренней стороны. Но отвлекает, призывая расслабиться, сдаться: сжимает член губами сильнее, ещё немного — и Чонгук кончит, как девственник, а потому немного подаётся назад, вжимаясь в матрас, убегая от ласки, не разрешая себе излиться раньше положенного.

Но всё равно не успел бы — Тэхён отстраняется и быстро, но не травмирующе резко тянет пробку из плена расслабленных мышц, уверенным движением подтягивая Чонгука ещё ближе к краю и, Господи, когда Чон в своей тщетной попытке выровнять дыхание хотя бы немного, опускает глаза, сталкивается с ним острым взглядом в совокупности с широкой улыбкой:

— Ты можешь придержать себя за бёдра, котёнок?

— Д-да… — вопрос был риторическим, да? Похуй, не так уж и важно. А Тэхён улыбается шире, проталкивая палец внутрь него, исследуя и распознавая то возможное количество смазки, которое Чонгук использовал, растягивая себя перед процессом. Это было не так уж давно, лубрикант был хороший, так что не высох и не испарился с измотанных мышц, а потому палец проходит легко и свободно.

— Тогда сделай это, — а Чонгук чертовски послушный малыш, и всегда впредь беспрекословно выполнит то, что ему скажет его невероятнейший папочка, и потому, задыхаясь и чувствуя потемневшим от крови стволом скольжение по собственной коже, делает то, что ему говорят, чтобы всхлипнуть уже через пару секунд, когда Тэхён, раздвинув ему ягодицы, приникает к сфинктеру ртом. И не сразу, но уже через несколько тягучих мгновений, он *понимает*.

Прямо сейчас его трахают языком по технике «девять минус один». Девять нежных неглубоких толчков, один — более острый, грубый, размашистый, когда язык напрягается сильно, чтобы после — назад, прижимаясь губами и всасывая нежную кожу. Восемь нежных неглубоких толчков — два быстрых, уверенных, и вновь резко извлечь и приласкать, словно слегка успокаивая. Семь толчков на три грубых, шесть — на четыре, и к пятому Чонгук видит звёзды в алмазах, стонет так громко, мечтая коснуться себя, но не решаясь отпустить свои бёдра, хотя пальцы ужасно дрожат и всё вот-вот выйдет из-под контроля к чёртовой матери.

А потом Тэхён отстраняется, и всё становится хуже. Потому что у него подбородок и губы испачканы в коктейле из слюны и остатков смазки из чонгуковой задницы, а взгляд дикий и бешеный, когда Чон со стоном позволяет себе опустить ноги вниз, и оказывается перед ним раскрытым и беззащитным.

— Я хочу немного грубить, солнышко, — этот человек невозможен: откуда у него столько терпения? Чонгук, не в силах издавать какие-либо членораздельные звуки, просто сглатывает шумно и сухо, а потом, прикрыв глаза, дарит ему короткий кивок: — Скажи мне, ты после такого целуешься?

— Да, — хрипло, не размыкая век с влажными от выступивших от удовольствия слёз ресницами, чтобы немного зажаться, когда он слышит, как

Тэхён также мягко отходит назад, к своим брюкам, и шуршит пачкой презерватива перед тем, как раскрыть её и, очевидно, раскатать по себе.

А потом возвращается и проводит по его бёдрам ладонями вверх, успокаивая. Чонгук, зажмурившись, непроизвольно раздвигает перед ним ноги, снова позволяя себе слепо открыться ему, почувствовать касание кожи о кожу, услышать, как шуршит пакетик со смазкой, и ощутить пальцы внутри, которые смазывают его обильно, но бегло, потому что он отлично растянут для Ким Тэхёна сегодня.

А затем — долгожданное ощущение раздвигающей мышцы крупной головки и отвлекающий от него поцелуй. Он глубокий и вязкий, толчок внутрь яркий, но гладкий — Тэхён заполняет его бережно, медленно, не разрешает себе торопиться, но даёт себе страшную вольность в том, чтобы шептать ему в губы что-то наподобие:

— Потерпишь меня немного, малыш?

— Немного подождём, это не страшно.

— Ты для меня чуть-чуть узковат, и это, конечно, приятно, но я не хочу причинить тебе боль, понимаешь?

Ох, Чонгук это хорошо понимает, и ему так приятна эта забота: он позволяет себе Тэхёна обнять, прижимая к себе теснее, плотнее, он не просто хочет, чтобы он трахнул его, он, блять, мечтает в нём раствориться сейчас, когда Ким замирает, нежно оглаживая по волосам, и тихо и нежно рычит на ухо своё:

— Ты у меня умница, знаешь?

Только от этих слов кончить не стыдно. Но, закусив губу, Чонгук снова себе запрещает, потому что Ким начинает в нём *двигаться*.

И, блять, да. Девять неглубоких, мелких толчков на один яркий — до звонкого шлепка мошонки о бёдра, и подаётся назад под звук громкого стона, чтобы быстро и ярко толкнуться восемь раз на два грубых, выбивающих Чонгуку в рот глухое рычание.

— Блять, ладно, это занятнее... — после соотношения пять на пять.

— Господи, Чонгук-а, ты такой... — четыре на шесть.

— Я клянусь, ещё немного, и меня переклинит... — три на семь. Чонгук уже не помнит даже, как его зовут, честное слово, просто старается плотнее податься на член в мгновения грубости, а когда происходит два на восемь, разрешает себе опустить руку и начать себе быстро дрочить, потому что это *невыносимо*, он действительно *не понимает*, как Тэхён умудряется столько держаться, потому что это долго, это лишает *всего*. Разума — тоже.

Один на девять.

Чонгук в момент, когда его грубо и по-животному втрахивают в несчастный матрас, кончает так громко и сильно, как, кажется, никогда не кончал: он пачкает их животы, чувствительный член оказывается тесно зажатым между

двумя их телами, а Ким продолжает толкаться в него сквозь оргазм, и это, блять, *потрясающе*. Потрясающе то, как он спускает себя с поводка, целует смазано, кусает куда-то в основание шеи, а Чонгук только и может в эту секунду, что покорно принимать его, скрестив свои ноги на чужой пояснице, и бездумно голосить от количества невероятных и пьянящих его ощущений.

Этого настолько, блять, много, что он бы даже не понял, когда Тэхён приходит к финалу, не накрой тот с протяжным стоном его губы своими перед тем, как замереть на несколько долгих мгновений, а потом ещё толкнуться несколько раз и с выдохом покинуть его тело, чтобы упасть рядом без сил.

Это действительно было до ужаса долго. Но от этого — не менее потрясающе, чёрт побери. И быть нереальным не перестаёт.

— У тебя ещё есть силы пойти со мной на свидание? — заплетающимся языком тянет Ким, перехватывая его поперёк обнажённой груди спустя какое-то время и прижимая к себе.

— Я не уверен, — честно и слабо отвечает Чонгук, всё ещё мечтая в нём раствориться.

— Тогда я уверен, что мы сможем сделать это в любой другой день. Например, завтра, а? Зря, что ли, я целый год думал, что тебе неинтересен и боялся подойти к тебе первым? Теперь я тебя, — шёпотом на ухо за секунду перед тем, как нежно прикусить за ушную раковину и негромко рассмеяться на дрожь, — ни за что не отпущу. Обещаю.